

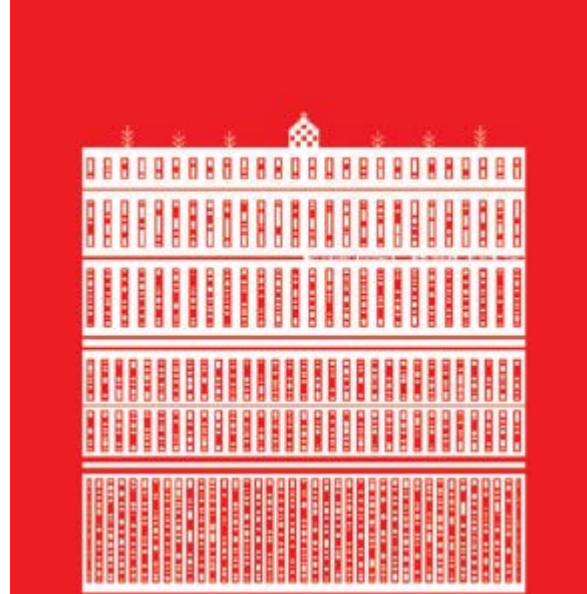
> Е. Свиллар (бюро TOTEMENT/PAPER, Москва). Генотип русской архитектуры.
– URL: <https://www.archplatforma.ru/?q=1&act=2&tgid=2959&page=2&stchng=2>

Актуальным дискурсом существования современного города, объектом исследования и проектирования становится особый генетический код города и культуры. Наследование служит составляющим элементом процессов развития. Среди особенностей интерпретации преемственности выделяется взаимодействие старого и нового. Трансмутационный контакт «нового с наличным» и «нового в наличном» представляется частью процессов преемственности и общего развития культуры, одним из механизмов воспроизводства культурных образцов и генетических кодов.

Ключевые слова: трансмутационный контакт; преемственность; генетический код культуры; взаимодействие «нового с наличным».

A special genetic code of the city and culture becomes an important discourse of the modern city's existence and an object of research and design. Inheritance is a constituent element of development processes. Interaction of the old and the new is one of the key features of interpretation of succession. A transmutation contact of "the new with the existing" and "the new in the existing" is a part of the processes of succession and the general development of culture, being one of the mechanisms that produce cultural patterns and genetic codes.

Keywords: transmutation contact; succession; genetic code of culture; interaction of "the new with the existing".



О трансмутации «нового в/с наличным» / On transmutation of "the new in/with the existing"

текст

**Ольга Железняк /
text
Olga Zheleznyak**

1. См. работы
С. П. Славинского,
С. С. Аванесова,
В. Л. Ружке, С. Чобана,
С. В. Семенцова,
Р. А. Мангушева,
Н. С. Новоходской,
Т. А. Дацюк,
Л. Н. Кондратьевой,
А. Герасименко,
Т. Э. Рагозиной и др.

в Е. Бриллиантова,
А. Яр-Скрябин
(«Студия-44», Санкт-Петербург). Русский пульс. – URL: <https://www.archplatforma.ru/?q=1&act=2&tgid=2959&page=2&stchng=2>

По мнению отдельных исследователей (Э. А. Баллера, Д. С. Жукова, Т. И. Лавреновой, Ю. М. Лотмана, А. Мегилла, П. Нора и др.), в моменты общего кризиса цивилизации, социальных конфликтов и разрушения идентичности в пространстве вторжения номадической культуры «возвращение в прошлое», апелляция к культурной памяти, традиции и генетическому коду становятся наиболее интенсивными. Обращение к канонам, системам философских и религиозных истин, к историческим событиям и социальным институтам, существующей материальной среде [9] вызвано стремлением к проявлению уникальности современной культуры и эйдоса «места» в процессах наследования, создания «мест памяти». Оно происходит с учетом представления о традиции как наборе «культурных артефактов или артикуляций», консервации и сбережения в истории и памяти уже ставших идентичностей.

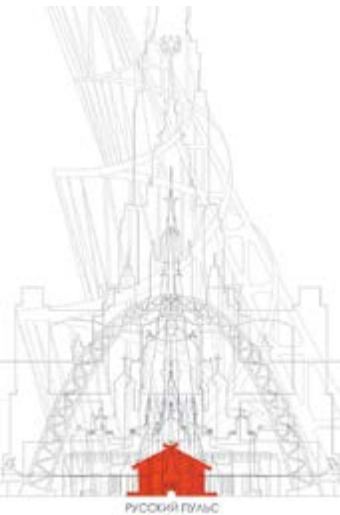
Механизмы наследования и формы преемственности культурных кодов, выявление их генетических истоков при утрате этнических корней и привязанности к «месту» превращаются в актуальные дискурсы существования среды современного города, культуры и социума, становятся объектами исследования градостроителей, архитекторов, дизайнеров, в т. ч. в качестве особого генетического кода города/культуры¹. Генокод при этом трактуется как сложная система взаимодействия старого и нового, наслоений и контрастов разных эпох, традиций и новаторства, реконструкций и нового строительства, реноваций в исторической городской среде. Одновременно он является отражением культурных ценностей, восстановлением самобытности в современном городе и формированием «памяти места». Игнорирование генокодов культуры, разрушение объектов наследия ведет к утрате целых пластов культуры, формирующих представление о традициях и особенностях историко-культурной среды города, ее достоверности и аутентичности. В то же время знание генетического кода, по мнению С. П. Славинского, дает ключ к шифру, на котором «записаны» история города, а также перспективы его эволюционного развития [13]. С. Чобан полагает, что на основе исследования генетического кода города могут быть сформулированы два приоритетных подхода к проектированию в среде исторического города: ее «расшатыва-

ние» новыми зданиями и скульптурами или ее сохранение за счет корректного встраивания в контекст, нового строительства по уже существующим принципам. Выбор подхода зависит от специфики конкретной городской среды [2] и построен на взаимодействии «нового с наличным».

Своеобразным профессиональным откликом на актуальные вызовы времени является спецпроект «Генетический код», инициированный в рамках фестиваля «Зодчество–2014». Он посвящен исследованию истоков российской архитектуры и культуры, ключевых образов и стилистических приемов, отражающих самобытность и уникальное авторское видение особенностей отечественной архитектурной традиции. В результате проекта сформулированы основные идеи, символы и концепты культурного кода и генотипа русской архитектуры: «Иррациональное в регулярном», «Бесконечные попытки структурировать хаос», «Имба как новый архитектурный ордер», «Деревянное зодчество», «Русский Авангард», «Русский космизм», «Иконичность», «Северный эпос», «Русский код в обыденности», «Большая страна», «Пространство времени», «Идентичность культуры», «Идентичность структуры», «Идентичность образа», «Деталь как символ преемственности», «Характер проявляется в жестких условиях», «Четко артикулированная мысль», «Страна визуалов».

Анализ проводимых исследований и проектных разработок показывает, что важными составляющими процессов формирования и сохранения генетического кода культуры и эйдоса «места» служат наследование и разные формы мутации и трансформации. Ключевой частью этих процессов является преемственность и прежде всего – взаимодействие старого и нового.

Наследование и преемственность органически связаны с развитием общей памяти как особой формы культуры и ее генотипа, «коммуникативной системы» и «единого семиотического механизма» (по Ю. Лотману), которая обладает специфическим аппаратом трансляции культурных норм и кодов и «механизмами выработки принципиально новых сообщений на принципиально новых языках» [8, с. 557], а также средствами реконструкции различных





воспоминаний и репрезентации прошлого в соответствии с актуальными проблемами, идеями и потребностями.

Будучи пространственно-временным взаимодействием культурных явлений или культурных единиц, преемственность предполагает заимствование чего-либо из прошлого, повторение заимствованного и его развитие. Как своеобразная форма преодоления обществом и культурой течения времени преемственность предстает процессом раскрытия специфики «саморазвития материи» и закономерностей бытия [7], проявляет пользу «консерватизма» и «прогрессизма», претворяя в жизнь тенденции «сбережения» достигнутого и развития нового (способов деятельности, использования человеческого потенциала для удовлетворения постоянно трансформирующихся потребностей) [12].

Среди особенностей наследования и преемственности следует выделить ряд позиций, наиболее значимых для развития цивилизации и ее культурных кодов.

– Эволюция культурных норм/образцов имеет важное значение для понимания процессов преемственности, особенно актуальное в контексте концепций эволюционного развития культуры [3, с. 230]. Подчеркивая обязательность использования и переосмысления наследия прошлого, трактуя наследование как «семантический аспект преемственности» [12, с. 18], отечественные и зарубежные специалисты признают решающим фактором развития общества необходимость непрерывной и последовательной передачи опыта от поколения к поколению.

Частью механизма преемственности, особой формой наследования, эволюции и передачи культурной нормы, сопровождающейся процессами трансформации при погружении традиционного образца в актуальный контекст, является обряд. В мутациях обычаев и обрядов, в их эволюционном развитии, в повторениях пережитого и пришедшего от предков П. Нора [10] видит способы сохранения и воплощения «памяти», восстановления «мест памяти» и памяти «места», в т. ч. через трансляцию закрепленных в обрядовой сфере нормообразцов. Примером может служить ритуально-обрядовая система календарного цикла семейских, непосредственно связанная с жизненным укладом староверов, механизмами эволюции и воспроизводства аутентичной культуры, которая

олицетворяет ключевые сюжеты и культурные коды: «момент перехода от хаоса к космосу, <...> повторение космогонии, поддержание космического равновесия и гармонизации взаимоотношений индивида и социума, приход предков и общение с ними»² и пр.

– Взаимодействие различных систем «целого», единство и многообразие культур служит важным условием существования преемственности, сущность которой, по мнению Э. А. Баллера [1, с. 15–16], выражается в сохранении элементов и генетических корней целого как общей системы.

Заявленная Н. Бором «дополнительность культур», постмодернистский «диалог с духом других культур» приобретают особую популярность при обсуждении проблем преемственности и наследования, трактуемых как связи «сосуществования культур и отдельных культурных явлений». При этом содержанием этих контактов становится синергия, взаимодействие, в процессе которого культуры обогащаются. Познание генотипа культур и освоение их ценностей способствует творческому осмыслению культур как целостной системы, позволяет избежать механических заимствований и формальных подражаний при воспроизводстве культурных образцов в процессе наследования³.

– Взаимосвязь старого и нового, взаимодействие и трансмутационный диалог нового с наличным определяются как ключевые факторы для процессов наследования, сохранения и трансляции генетического кода культуры, эйдоса «места».

В разнообразии подходов к трактовке преемственности наиболее распространенной является интерпретация этого понятия как отражения временной континуальности, связи нового и старого, предыдущего и последующего. Закрепляя за отношением «прошлое–настоящее» базовую роль в преемственной связи, Гегель определяет ее суть и назначение как сохранение «содержания первого во втором». Последующие исследования процессов преемственности и наследования задают новые ракурсы осмысления соотношений прошлого и настоящего, традиций и новаторства, акцентируя внимание на трансмутационном диалоге нового с наличным. При этом складываются разные формы и оценки значимости

3. См.: Лихачева В. Д., Лихачев Д. С. Художественное наследие Древней Руси. Л., 1971; Артановский С. Н. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. Л., 1967; Лавренова Т. И. Теоретические основы изучения преемственности в культуре // Известия ПГПУ им. В. Г. Беллинского. 2009. – № 11 (15). – С. 19–24.

< А. Боков. Прялки 2014. – URL: <https://www.archplatforma.ru/index.php?act=1&catg=18&nwid=3615>

< А. Гинзбург. Конструктор авангарда. – URL: <https://www.archplatforma.ru/index.php?act=1&catg=18&nwid=3615>

2. См.: Болонев Ф. Ф. Календарные обычаи и обряды семейских. Улан-Удэ, 1975; Пропп В. Я. Русские аграрные праздники: (Опыт историко-этнографического исследования). Л., 1963; Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: (Структурно-семантический анализ восточнотурецких обрядов). СПб, 1993; Новик Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур. М., 1984; Любимова Г. В. «Похороны стрелы» в весенне-летней обрядности забайкальских старообрядцев // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Материалы III Международной научно-практической конференции. Улан-Удэ, 2001. С. 184–188; Майоров А. П. Семантика погребального обряда семейских Забайкалья // Старообрядчество: история и современность... С. 242–245; Семенова М. В. Семантика ритуальных игр в традиционной культуре семейских Забайкалья // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Улан-Удэ, 2004.

> Домовые росписи «семейских» как отражение представлений о мире и культурных кодах.
Фото Г. И. Охрименко

> Традиционные элементы убранства дома «семейских». Фото О. Железняк



такого взаимодействия: с одной стороны, привязанность к наследию, его ключевая роль в развитии культуры и общества; отрицание необходимости такой «привязки», с другой – отношение к традиции/старому как к тормозу. Примером второго подхода может служить отечественная социалистическая культура начала прошлого века с неприятием идеалов преемственности и взаимосвязи со «старым миром». Современные «пост-пост» дискурсы также порою представляют «привязанность к старому» как излишний груз, тормозящий развитие. Но по существу «пост» – мышление оказывается зависимым от базовых понятий, «прикованным» к ним; это фактически освобождает его от «качественного определения новизны» [14].

При изучении процессов наследования и преемственности, трансляции культурных кодов и генотипов в общем комплексе представлений появляются идеи «трансмутации» как наиболее корректного взаимодействия «старого» и «нового». В основу идеи положено введенное М. К. Петровым понятие о «трансмутационном контакте нового с наличным», в соответствии с кото-

рым одинаково присущий всем культурам «постоянно возобновляемый» трансмутационный контакт «требует процедуры идентификации подобий новому в наличном» [11]. Это позволяет рассматривать его как часть процесса преемственности, включающего встраивание нововведения в уже существующий контекст, как одну из важных особенностей общего развития культуры и форм ее наследования.

Через концепцию «трансмутационного контакта» может быть представлен механизм становления культурных образцов, сохранения и трансляции культурного ресурса, его генетических кодов. Это означает, что при введении нового-иного в существующее происходит неизменный контакт (мутация и трансформация) нового с наличным – сложившимся комплексом культурных образцов и архетипов. Процесс сопровождается «нахождением подобий», прототипов нового в уже сформировавшейся системе, реализацией разных форм отождествления старого с новым (или «своего» с «чужим») и, напротив, нового со старым («чужого» со «своим») [5; 6].

При этом естественные процессы отождествления «иног» с наличным не являются единственно возможными способами введения инноваций. Другую форму взаимодействия «нового с наличным», нередко разрушающего устоявшиеся представления и предметно-средовой контекст, можно определить как «революционное» вторжение. Проявление генотипа во втором случае происходит со временем и сопровождается своеобразным обратным эффектом, когда традиционные нормы/культурные архетипы начинают мутировать и «просвечивать» сквозь вновь вводимые образцы и стереотипы.

Образцами взаимодействия различных культур, наследования и проявления их генетических кодов нередко оказываются дошедшие до нас объекты материальной культуры. Так, например, декорирование парадного облачения (саккоса) московского митрополита Алексия дробницами к. XIII – нач. XIV вв. представляет собой фактическую трансмутацию обереговой функции. Дробница содержит явно языческую символику: размещенные по обеим сторонам «дерева жизни» и оберегающие их птицы. Расположенный над головами птиц и «древом жизни» орнамент в виде трехлепестковой фигуры голубого цвета с красно-золотыми диском и завитками внутри

v Петергоф. Штандартная комната Большого дворца, декорированная шелком. – URL: <http://sutravel.ru/besides/bolshoi-dvoriets-pietierghofa>





может рассматриваться как следующая стадия жизни магического растения – его цветение. Тогда указанная фигура будет трактоваться как цвет, цветок («цветок лазоревый»). Обращение к языческой цветовой символике, в которой голубым/синим обозначаются «хляби небесные» – верхнее небо, а красным и золотым – «солнце красное», позволяет предложить следующую интерпретацию:

- описываемый знак представляет собой трансформацию солярной символики – традиционного изображения трех фаз солнцестояния. При этом фазы восход – закат изображены спиральями («бегущее солнце»), которое трансформируется в завиток; полный диск солнца – цветок находится сверху, в верхней фазе;

- все погружено в голубой цвет, символизирующий воду небесную (идея небесной воды подтверждается и Б. Рыбаковым, который обращает внимание на голубой зигзаг, распротертый над птицами и деревом);

- голубые и красные пятна в оперении птиц подчеркивают их небесное происхождение.

Вся дробница выполняет обереговую функцию; небесное покровительство распространяется на птиц и растение, которое оказывается под двойной охраной [6]. Размещение дробниц на саккосе повышает охранительное значение сакральной одежды; происходит фактическое прорастание кодов славянского язычества в христианскую культуру.

В трансмутации цветовых кодов языческой культуры Древней Руси цветковое действие-деятельность имело ритуально-магическую значимость (выбеливание и окрашивание холста, вышивание цветными нитками, отделка цветовыми символами одежды и предметно-пространственной среды; процедура «обряжения» в ритуально-обрядовую одежду особого цвета; украшение к празднику дома, усадьбы, обрядового места и пр.); в пространстве христианской культуры развиваются традиции сакрализации цветкового действия (что отражается и в текстах Библии). Славянская традиция «убирать» дом цветными тканями и самодельными росписями для красоты и оберега вырастает со временем в искусство стеновых росписей, гобеленов и шпалер в дворцовых и храмовых сооружениях и возвращается в жилой интерьер небога-

того дома в виде лубочных картин и оклеенных цветным ситцем стен.

В процессе трансмутации модифицируются нормы, приобретая новые формы и значения. Но при этом нередко сохраняется некоторая незыблемая основа, своеобразный инвариант, воспроизводимый сознательно или интуитивно. «Твердые величины»/коды культуры также обладают мобильностью и могут приобретать дополнительные значения в других культурах или культурно-исторических ситуациях. Например, «красный угол», изначально связанный с сакральным местом в доме, своеобразный домашний алтарь, позднее приобретает более широкое толкование как самое почетное место в доме, а в послереволюционной модификации («красный уголок») имеет совсем свободную интерпретацию исходного смысла.



^ Самарская губерния. «Красный угол» в традиционном доме. Фото О. Железняк

^ Севкабель Порт. Красный уголок. – URL: <http://fotokto.ru/photo/view/6359251.html>

< Г. Юрьева. Красный уголок. Работа на конкурс «Рабочее место архитектора». – URL: <https://www.pinwin.ru/konkurs.php?kact=2&knid=11&ruid=1246&iewtype=1>

Обычай украшать вышивкой, драгоценными камнями, мехом и другими материалами ворот, рукава, подол одежды долгое время носил в первую очередь ритуально-обрядовый характер. Постепенно обереговая роль и функция защиты границ одежды трансформируются в украшательскую, эстетическую. Но неизменным остается сам факт выделения этих деталей одежды, для чего в России долгое время специально изготавливаются и продаются расшитые полосы для украшения нижней части подола, имеющие огромную популярность среди населения. Этот факт фиксирует В. Радлов в обзорах своих путешествий по самым заброшенным поселениям Сибири, описывая обшитые тканью иного цвета (красного, оранжевого, синего, черного) рукава и ворот одежды даже самых бедных слоев населения [6].

В постмодернистской трактовке трансмутации акцент делается прежде всего на ее «порождающей способности». Провозглашаемый постмодернистской культурой «эффект трансмутации» означает идею порождения но-

вых языков архитектуры и культуры, которые возникают, когда профессиональное сознание удерживается в промежутке между существующими (ставшими) целостностями. Он предполагает способность выходить за границы целостности, искусное владение «техникой варьирования прототипами формы» и культурными кодами. Трансмутация превращается в непрерывный процесс, ведущий к возникновению ранее не существовавшей, «новой образности». Фактически «трансмутация и новое состояние системы языка декларируются как цель, достойная всей совокупности усилий эпохи интерпретационного мышления в искусстве и архитектуре. Результат трансмутации – рождение неведомого <...>» [4] в пространстве контакта с существующим/наличным. Это позволяет достигнуть «умножения языков», столь важного для постмодернистской идеи «непрерывного различения» и возникновения эффекта трансмутации, а также для развития культуры в целом.

v Красный уголок на
призывном пункте. 1931.
Фото Михаил Смодор. –
URL: <https://twitter.com/historyfoto/status/1099760265049137154>



Очевидным примером мутационного контакта, трансмутации на границе осознания целостностей и множественности генетических кодов культур Востока и Запада, обладающих разнообразием языковых конструкций искусства и архитектуры, можно считать ситуацию культурного становления Байкальского региона, которая складывается под влиянием различных культурных стереотипов на пересечении язычества, разных ветвей христианства, шаманизма, ламаизма, буддизма и др., на стыке традиционной, советской и постсоветской культур. В результате возникает «новая образность», некий поликультурный «кентавр», совмещающий в едином пространстве иррационализм восточной и славянской духовности и прагматизм набирающей силу «вестернизации». Взаимодействия культурных кодов, параллельное существование культур либо их послойное наложение во времени приводит к трансмутации «своего» и «чужого», старого/наличного и нового. Исследование традиций, их эволюции и современных метаморфоз позволяет выделить специфику, истоки и архетипы разных культур и ресурс идентификации. Диалог с «эйдосом» других культур как важный тезис трансмутационного контакта предполагает дополнение и «ассимиляцию» различных культурных норм и кодов, их контекстуальное погружение, соотношение друг с другом, временные преобразования и непереносимое порождение нового [5; 6].

Таким образом, всестороннее развитие культуры города/территории и сохранение «памяти места», его идентичности происходит успешно в ситуации, когда вносимые преобразования не противоречат генетическому коду «места», находятся в границах «генезиса градостроительной системы», ее потенциального развития и не нарушают принципов наследования. Для выявления уникальных особенностей «места» исследуются взаимодействия элементов среды и градостроительной структуры, а также процессы их трансмутации от «эмбриональной стадии» до современного состояния, анализируются механизмы идентификации нового в наличном, формы наследования «врожденных» свойств городской культуры.

При этом трансмутационный контакт, помимо основной идеи (идентификации нового в наличном), может рассматриваться и как одна из ключевых форм взаимодействия разных типов историко-культурных, архитектурно-градостроительных норм, целостностей и генокодов, позволяющая сохранять индивидуальность и преемственность каждой культуры в общем культурном универсуме. Подразумеваемая потенциальную способность культурных образцов и генетических кодов взаимодействовать в процессе наследования, мутируя и трансформируясь, трансмутационный контакт раскрывает природу существующих норм и представлений, выявляет специфику «получения» кодов культуры, а также задает концепцию взаимодействия разных образцов между собой – нового и старого, существующего контекста и нововведения, традиционного и современного. Будучи механизмом проявления «ресурса идентификации», трансмутационный контакт отражает процессы порождения нового (и введения «чужого»). Кроме того, существуя как особое состояние сознания, часть процесса преемственности, трансмутация присуща не только профессиональной культуре, но и в целом современному обществу.

Литература

1. Баллер, Э. А. Преемственность в развитии культуры. – Москва : Наука, 1969. – 294 с.
2. Герасименко, А. Генетический код города. – URL: <https://archi.ru/russia/16920/geneticheskii-kod-goroda-master-klass-sergeya-chobana-na-arh-moskve> (дата обращения: 20.12.2020)
3. Гердер, И.-Г. Идеи к философии истории человечества. – Москва : Наука, 1977. – 703 с.

4. Азизян, И. А., Добрицына, И. А., Лебедева, Г. С. Теория композиции как поэтика архитектуры. – Москва : Прогресс-традиция, 2002. – 476 с. : ил.
5. Железняк, О. Е. Идентификационные пространства города. Трансмутация // Город: прошлое, настоящее, будущее. Сборник научных трудов. – Иркутск, 2004. – С. 139–146
6. Железняк, О. Е., Охрименко, Г. И. Пространства культурной идентификации. Семейские Забайкалья. – Иркутск : ИРГУ, 2009. – 160 с.
7. Лавренова, Т. И. Теоретические основы изучения преемственности в культуре // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. – 2009. – № 11 (15). – С. 19–24
8. Лотман, Ю. М. Несколько мыслей о типологии культур // Ю. М. Лотман. Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллин, 1992. – Т. I. – С. 102–109
9. Мегилл, А. Историческая эпистемология. – М. : Канон+, РООИ Реабилитация, 2007. – 480 с.
10. Нора, П. Проблематика мест памяти // П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пуимеж, М. Винок. Франция-память – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – С. 17–50
11. Петров, М. К. Язык. Знак. Культура. – Москва : Наука, 1991. – 328 с. : ил.
12. Садыева, Н. С.-Д. Роль понятий «непрерывность» и «неразрывность» в понимании сущности традиций // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – Вып. 6 : Философия, социология, политология, культурология. – С. 54–59
13. Славинский, С. П. «Код города» и его отражение на примере градостроительного развития Великого Новгорода // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. – 2018. – № 3. – С. 128–144
14. Эпштейн, М. Знак пробела : О будущем гуманитарных наук. – Москва : Новое литературное обозрение, 2004. – 864 с.

References

- Azizyan, I. A., Dobritsyna, I. A., & Lebedeva, G. S. (2002). *Teoriya kompozitsii kak poetika arkhitektury* [The theory of composition as poetics of architecture]. Moscow: Progress-traditsiya.
- Baller, E. A. (1969). *Preemstvennost v razvitii kultury* [Succession in the development of culture]. Moscow: Nauka.
- Epstein, M. (2004). *Znak probela: O budushchem gumanitarnykh nauk* [Blank space: On the future of humanities]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Gerasimenko, A. (2009, May 29). *Geneticheskiy kod goroda* [A genetic code of the city]. <https://archi.ru/russia/16920/geneticheskii-kod-goroda-master-klass-sergeya-chobana-na-arh-moskve>
- Herder, J.-G. (1977). *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas on the philosophy of the history of mankind]. Moscow: Nauka.
- Lavrenova, T. I. (2009). *Teoreticheskie osnovy izucheniya preemstvennosti v kulture* [Theoretical background for studying the succession in culture]. *Izvestiya PGPU im. V. G. Belinskogo*, 11(15), 19-24.
- Lotman, Yu. M. (1992). *Neskolko myslei o tipologii kultur* [A few thoughts on the typology of cultures]. In *Statyi po semiotike i tipologii kultury* (Vol. I, pp. 102-109). Tallin.
- Megill, A. (2007). *Istoricheskaya epistemologiya* [Historical epistemology]. Moscow: Kanon+, ROOI Reablitatsiya.
- Nora, P. (1999). *Problematika mest pamyati* [Problematics of the places of memory]. In *Frantsiya-pamyat* (pp.17-50). Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. Un-ta.
- Petrov, M. K. (1991). *Yazyk. Znak. Kultura* [Language. Sign. Culture]. Moscow: Nauka.
- Sadyeva, N. S.-D. (2010). *Rol ponyatiy "nepreryvnost" i "nerazryvnost" v ponimani sushchnosti traditsiy* [The role of the notions "permanence" and "continuity" in the insight into traditions]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 6, 54-59.
- Slavinsky, S. P. (2018). *"Kod goroda" i ego otrazhenie na primere gradostroitelnogo razvitiya Velikogo Novgoroda* [The "code of the city" and its reflection through the example of the urban development of Veliky Novgorod]. *PR N . Problemy vizualnoi semiotiki*, 3, 128-144.
- Zheleznyak, O. E. (2004). *Identifikatsionnye prostranstva goroda. Transmutatsiya* [Identification spaces of the city. Transmutation]. In *Gorod: proshloe, nastoyashchee, budushchee. Sbornik nauchnykh trudov* (pp. 139-146). Irkutsk.
- Zheleznyak, O. E., & Okhrimenko, G. I. (2009). *Prostranstva kulturnoi identifikatsii. Semeiskie Zabaikalya* [Spaces of cultural identification. Semeyskie of the Trans-Baikal Region]. Irkutsk: IRGTU.